

Иван ШЕПЕТА

БЕРЕЗЫ – И ТЕ У НАС ЖЁЛТЫЕ

Стихотворения

Бессонница. Увертюра

Нить вольфрама, вспыхнув на веранде,
лопнула — и стала тьма сплошной,
будто силы зла, как по команде,
взяли власть над спящею страной.

Посреди возникшего затишья —
стук колёс, транслирующий дрожь...
Я — не допишу четверостишья,
ты его наутро — не прочтёшь.

Красный карлик Проксима Центавры,
аварийный, тоже не горит.
И товарняки, как минотавры,
в городской вбегают лабиринт.

Тоннель

Разглядывая землю чёрных гряд,
сырых, тяжёлых, накануне вспашки,
я представляю будущий наряд
земли сырой — смирительной рубашки.

Дай руку мне, чтоб ощутить я мог,
что не один, что нас с тобою двое.
Как истина, что скрыта между строк,
касается живое о живое!

В тебе ещё не выветрился хмель,
и любишь ты, не требуя ответа,
а я по рельсам ухожу в тоннель,
где я не вижу ни конца, ни света.

От прежних чувств — смятение в душе.
Ты — весела, меня ж — мутит от хмеля.
Я чувствую ладошку, но уже
мы в разные концы глядим тоннеля.

Костёр на речной косе

Разожги костёр на речной косе
и лови тайменя там «на мыша».
Сделай так, чтоб на время исчезли все,
от кого сатанеет твоя душа.

Ты не должен более... Никому.
Ничего... И под звёздами на земле
хорошо тебе у костра в дыму,
морщась, овощи запекать в золе.

Хорошо всю ночь протягивать снасть...
Даже если таймень не возьмёт «мышья»,
успокоиться, намечтаться всласть,
чтоб от злобы людской отошла душа.

Вспомнить всё... что в мире больших идей
есть границы, священные берега...
Улыбайся встречным, прощай людей,
чтобы нимб не врос, как в башку рога!

Именительный падеж

Где дым отечества на взгляд поэтов — едок,
тем, кто отважен, дышится вольней.
У декабриста Пестеля мой предок
взял «вольную» с фамилией моей.

А перед этим брал Берлин с Парижем,
в объятьях дам — уроки языка...
Кто жаждой знаний и свободы движим,
отважен и умён наверняка.

Иные языки в себя «вобраша»,
за мною скачет бодрая орда.
— Фамилия... склоняется ли ваша?
— Да, — неохотно отвечаю, — да.

Но с дней Очакова и покоренья Крыма,
как странная деталь рояля — «флэш»,
в фамилии моей необъяснимо
красив лишь именительный падеж.

Прислушайтесь к звучанью — довод веский! —
в предложном падеже: о Шепета!..
Здесь, как заметил Фёдор Достоевский,
не правила спасают — красота.

При взятии Парижа из азарта
мой славный предок, как бы не всерьёз,
взял не трофеи — комплекс Бонапарта,
и тот во мне, как «чёртов куст», пророс.

Я не француз, и это твёрдо знаю,
есть лишь в хохлах далёкая родня,
но я себя упорно не склоняю...
И вам склонять не надо бы меня!

Зебра

Алексею Остудину

«...зебра обрывается над бездной...»

Все дороги ведут на площадь,
где толкают со всех сторон.
Зебра, вроде бы, тоже – «лошадь»,
но её не запрешь в загон.

Раньше зебра была полезной
и вела на зелёный свет.
А теперь – переход. Над бездной.
Зебра – есть, перехода нет.

Вечерами бредёшь бесцельно.
Фары режут с разбега тьму.
Люди – вместе, а ты – отдельно,
сам не ведаешь, почему.

Днём, снимая пиджак в полоску,
на песчаной торчишь косе,
но своим не бываешь в доску,
хоть и с виду такой, как все.

ТРУБА

Бахыту Кенжееву

А над Родиной – дым,
заводов и ТЭЦ,
и вся разумная жизнь –
у трубы,
где согревается
гражданских свобод борец,
наслаждаясь процессом самой борьбы!

Наши уши не выросли выше лба,
но и мы расслышали некий глас,
что, мол, дело наше –
совсем труба,
что под трубный плач похоронят нас!

Все, кто смог, зареклись от тюрьмы-сумы.
Даже птицы наши под Южный Крест
улетели с плачем... остались мы –
крепостные сплошь остывающих мест³.

И лишь я, как некий горнист-трубач,
как верблюд горбатый, готов к борьбе –
всё пытаюсь сыграть под всеобщий плач
старый гимн на своей заводской трубе.

³«Крепостной остывающих мест» – книга стихов Б. Кенжеева, вышедшая во Владивостоке в октябре 2008 в дни проведения поэтического фестиваля «Берега».

Памяти поэта Александра Романенко

2

Пейзаж наш – провинции заговор,
Здесь мыслей иное течение.
В Приморье не вишня, а сакура,
И это имеет значение.

Живём себе, напрочь лишённые
Московского горя-величия.
Берёзы – и те у нас жёлтые,
И знаково это отличие.

Валерия ФЕДОРЕНКО

В СЕРДЦЕ КИТА

Стихотворения

* * *

Я тот, кто однажды сюда бежал,
черноволок, сухощав и зол,
я хотел быть таким и я был таков –
теперь я вою по-волчьи с волками и без волков.
Спрячь меня, Отче, хоть в тайгу,
хоть за пазуху, хоть под подол,
дай мне кров и не пускай в него чужаков.

Я украл разбухшую лодку, я грёб,
моя лодка смахивала на гроб.
Подо мной плескалась Луна,
надо мной хоронилась камбала
и была дорожка белым-бела,
была моя раса, как говорится, табула.
Меня сторонились и я сторонился. И я догрёб.
Я догрёб и остался, прочее – трёп, зола.

Я не сдох от холода и тоски, от медведя, змеи,
ежа. Я жевал лопухи, а летом пошёл лосось.
И нет голосов кроме моего, берегов кроме
моего, ни ночи другой, ни дня.

Лишь порой доносится ветром
бабья глупая болтовня.
И всё наладилось, зажилося. Ребро болело и зажило.
Только, Отче, всё-таки ты не бросай меня.

* * *

Здравствуй, душа моя. Я живу на границе с Китаем.
Тут зима. Я зимую. Я стала покорная и простая.
Запах красного перца – такая уж тут граница –
запах живой наваги, жареного минтая,
имбиря и пряностей. Улица, снег, больница.
Запятая, душа моя, каждый твой след – запятая.
До середины зимы даже птицы не долетают,
эту зиму, душа моя, не перелетают птицы.
В ночь на пятницу звёзды катятся,
спать – не спится.
У чёрной речки сидит старик и забывает лица.

Что мне снится? Всё ласточки да прибои.
Снятся люди и рыбы. Снится, как воют волки.
Так, душа моя, эту зиму и коротаю...
Я сегодня буду держать тебя за руку.
Слышишь, душа моя, буду держать тебя за руку.
Держать бесконечно долго.

* * *

Отче наш, отчего вокруг такие снега?
Почему земля не рождает хлеба, а печь – пирога?
Отчего дела твои не уловить, точно ртуть?

Город – старик, река – волосок во рту,
Зубы – дома, перекусывают кадык
Тем, кто к морщинам улиц навек привык.

Если собрать их всех, можно из их ногтей
Построить маяк для корабля потерь.

За кораблём летит невесомая птица Рух.
У неё три клюва, во всех - зима, три печени, восемь рук,
В них от этого маяка ключи,
ятаганом месяц наизготове.

Кто посмотрит в её глаза, забывает маяк и юг.
Кто не верит в неё - умирает легко и вдруг.
И мы зажигаем свечку у изголовья.

Птица Рух заберёт нас всех, если ту свечу погасить.
Сохрани нас, Отче, пожалуйста, и спаси.

* * *

В сердце Китая, как в сердце кита,
в харчевне маленькой, как планета,
где в немьгом окне отражаются путанные провода,
где за первым столиком пьют то ли юноши,
то ли скелеты,
а второго нет и не было никогда,

старый хозяин жарит лапшу и провожает лето,
миски разносит, под мышкой зажав костыль.
Бормочет под плоский нос: «Жил-поживал,
а умру бездетным и холостым,
словно майский снег или профили на монетах.

Что я нажил? Харчевню, костыль, лапшу,
ветку сливы, которой спину себе чешу,
август нажил. Хворал да сдюжил.

Было время, жил да был себе,
и теперь живу не спеша.
И считаю: вот харчевня моя, костыль мой,
ветка моя, лапша

Да душа».

Иван АХМАДИЕВ

Баллада о дистанции

я создаю из бессердечных слов
и из сердечных пауз между ними
из списков позабытых адресов
из удалённых номеров мобильных...
я сотворяю вас – вот весь бокал
где через край усталости и яда
бесспорно я соскучился по вам
но на сегодня хватит и баллады

две линии на взлётной полосе
две полосы на рукавах толстовки
каньонами остались на лице
все пройденные вместе остановки
мой близок путь а ваш – куда сейчас?
какой войны теперь лететь снарядом?
бесспорно я соскучился по вас
но на сегодня хватит и баллады

ни звука вам – но вам – вся тишина
ни лучика - зато всей тьмой я с вами
и боль ранений больше не страшна
страшит пробел растущий под бинтами
созреет мир – всеяден и зубаст
корнями – в наших движах и раскладах
бесспорно я соскучился по вас
но на сегодня хватит и баллады

посылка

моя игла и нить, мой свет, мой адресат,
о бездне между – много слов не надо:
бесспорно я соскучился по вам
но на сегодня хватит и баллады

Баллада тем, кто дожил до зимы

всё временно под этим куполом
из неба, песен и постов
и годы прожуют угрюмо
все карты, ставки, игроков.
мы как кусочки льда в стакане –
нам вскоре суждено растаять,
но как же мне просторней станет,
когда вы все поумирате.

иль ничего, иль лишь хорошее:
тогда – прекрасно, что теперь
чем меньше выдышал прохожий,
тем больше есть на чём гореть.
тем в барах легче протолкнуться,
просторнее в чертогах памяти –
как будет мне не улыбнуться,
когда вы все поумирате?

...и мне немного останется:
ну, разве что проветрить дом,
с нечеловеческим старанием –
мол, к пыли – пыль, к пятну – пятно...
и пусть другие будут цокать,
я заявлю, что мне всё нравится,
начну как сука пританцовывать,
когда вы все поумираете.

посылка

мой принц, моя принцесса, челядь,
вы сами всё прекрасно знаете –
лишь чище станет и теплее,
когда вы все поумираете.

Баллада для Эвридики

прекрасная, вы видите насквозь –
ему все эти ночи снится лишь,
как вы садитесь на его лицо,
так плотно, что он более не дышит.
чтобы кончал как висельник, урод,
но дабы не в чём было усомниться,
прошу, листните пару глав вперёд –
ведь он за вами в ад потом спустился.

не будет вашим больше, чем сейчас,
когда страшней всего – перегореть,
когда все песни лишь о вас звучат.
но верите ему вы лишь на треть –
лишь тот пассаж про перекрытый вдох,
звать Мефистофеля, чтоб этот миг всё длился.
но дальше – утро – и когда вас забрало,
ведь это он потом за вами в ад спустился.

не отказать вам в зоркости, ma belle,
всё естество мужское вам известно –
он вас зовёт и тянет на постель,
и по-другому было бы бесчестно –
ему иначе вам не рассказать,
как вашим именем в груди его рычит всё.
стары как миф его любовь и страсть.
так он за вами в ад потом спустился.

посылка

принцесса, ваш цинизм похож на страх,
но мы же знаем, чем всё завершится:
вы весь остаток – на его руках,
и он за вами в ад потом спустился.

Спартак ГОЛИКОВ

* * *

вначале был слог
и слог был бог
и бог был слон
почтальон печали

бога звали вася
и бог был всё

VLADIWOODSTOCK 96:

тигр на фотке
на фоне подлодки
моста и сопки

мир. дружба. жвачка
девочка. море. тачка

* * *

неба пронзительная ясность
впереди одна неизвестность
здания пространства постоянства
реальность - слева направо
справа налево - местность

* * *

мы земляне
на этой земле
земляника
космос от нас
на расстоянии
крика

в окно высунуть
в небо окунуть
по пояс
крикну
вникну в суть
проникну то есть

небеса - не беса
небо - не бог
небо - само по себе
мера не овса, но веса
для всего

* * *

нарядная парадная
дата круглая
небо квадратное
море упругое
планета додекаэдр
как будто бы

для живого тела мера
сфера
смерть же вписывает труп
в куб

Сергей НЕЛЮБИН

Хандра

Скучно стало в датском королевстве:
Ни интриг придворных, ни измен кровавых.
Неужели израсходованы средства
На отраву для кинжалов и бокалов?

Израсходованы средства на отраву...

Бедный Гамлет, бедный принц Мальтийский
Не на шутку на своих лакеев рассердился:
Утомили тайны во дворе мадридском
Чище, чем английские убийства.

Скучно стало? Бросьте, очень скоро
Станет весело: уже перед рассветом
Ваши верные лихие гренадёры
Вам кадык пробьют гальшпанским багинетом.

* * *

Шашлык у Камиля. Морепродукты. Вай-фай.
А впрочем и это не пригодится
В моей виртуальной истории,
И можно вполне обойтись кока-колой и пиццей...
Когда я иду разговаривать с морем,
Зачем мне Вай-фай...

Инфа о Камиле:
Басмак из Коканда на юге Ферганской долины
Свой Шёлковый путь завернул на Японское море,
Теперь здесь успешно торгует
 чилимом, вай-фаем, свининой,
и пловом, и пивом торгует,
 и видом на синее море....

Туман над заливом. Мокрые камни. Песок.
В тумане летит чёрно-белая птица,
Садится на серую воду легко,
И, как перевёрнутая страница,
Волна накрывает следы не моих каблуков...

Жестокий июль не щадит ни своих, ни приезжих:
Ломая зонты, он проходит по головам
Тяжёлым дождем вдоль восточного побережья,
Где море волнуется раз, и море волнуется два.

Где все телефоны вне доступа, –
 не дозвониться
До малой Курильской гряды
 и от Малой Курильской гряды,
Где есть только море и я, кока-кола и пицца,
Да Вечный Камиль переходит залив,
 не касаясь воды...

Александр БЕЛЫХ

Песенка рыбачки Аполлинаруи

Ах, молодушка-селёдушка
Плывёт, новогодней чешуёй
Серебрится, переливается,
Будто щеголиха в лавсановой обнове
Да искоса поглядывает,
Смежив длинные ресницы,
на месяц юный, сияющий на челе созвездий.
Так и хочется золотую блесну клюнуть.
Ах, плывёт молодушка-селёдушка,
туда и сюда хвостом виляет,
Чешуёй новогодней завлекает,
И зелёные, и синие водоросли
примеряет
Да девицей принаряжается.
А вокруг хороводят медленно звёзды —
То морские, то небесные,
Голубые и красные,
И лучами колкими украдкой жалят.
И не знает селёдушка-молодушка,
что это коварные блёсны.
Только камбала глазом косится,
От зависти тело у неё на дне плющится.
И некому прищучить камбалу.
Ах, души их к звёздам просятся,
Но застывает льдом лунка,
будто немощный крик Эдварда Мунка.

Телефон-автомат

Всюду космос сияющий мнится
из телефонной будки,
где затерялись две копейки...
Зимний туман в огнях
проезжающих автомобилей
оседает чёрными сугробами,
люди ныряют, пугливо плывут,
будто глубоководные рыбы,
без надежды, без прикорма.
«Стоп!» — говорю, и стороной обхожу
строй юных космонавтов.
Утро средневековья настало.
Советские отроки во вселенной
превратились в одночасье в смердов,
в боевых холопов.
Иду втихомолку по Пушкинской,
улетаю на ретро-фуникулёре
в одну из красивейших галактик,
считаю кольца Сатурна,
обороты на зелёном спиннере
в созвездии облака Оорта.
С тобой обрывается связь,
нервная связь обрывается
С тобой внезапно, навсегда,

Обрывается нервная связь
Межгалактической страсти.
Длинные гудки из прошлого
в телефонной трубке
На Пушкинской улице.
Всюду сияет космос,
Рыбы плывут озираясь.

Луна на рассвете

Мал-мала-меньше
галактики всюду кружат,
как мотыльки вокруг
забытой лампы,
сбивая прах и пыль,
как будто из-под копыт
летучих диких табунов.
Забыт и не влюблён,
чужими снами окружён,
на шум спускался
к ночному морю
змеиной тропой, сходной
с объектом Хога...
Лодыжки голые
осока щекотала,
царапался шиповник
набухшими бутонами.
Мышь летучая
воздух рассекала,
издавая ультразвук.
Зеленя бледно, млея,
роились светляки,
как вспышки сигарет,
в сыром распадке,
где ручей плутающий
канючил, хныкал, шмыгал:
«Пап, а пап, возьми на руки!»
За горизонтом мысли,
что незримым был,
тревожились огни,
мигая тускло, суетливо
у кромки берега,
что был очерчен грифелем.
Поодаль скрытно
горы молчаливо шли,
сумрачно влачили тень,
навьюченные тюками
скошенной травы, пахнувшей левкоем.
Замедленным движеньем
сомнамбула-луна
обнажилась из-за облака
и прозрачные одежды скинула
на утёсы острова,
похожего на птицу.
...Верблюдо-воробей
по зёрнышку клевал
на небе россыпь звёздную...

Спадала дрёма с глаз,
как волшебная повязка.
Я выглянул в окно —
лишь одна звезда,
что по праву руку,
в заледенелой раме
мерцала в зимней
синеве унылого рассвета...

Луна декабря

Сияющая изнутри
жёлтым матовым светом,
будто из грязного оледеневшего плафона
с ложными очертаниями иллюзорных
морей,
Луна декабря отделилась
от заснеженной земли,
будто туловище снежной бабы,
цепляясь за артритные ветви деревьев,
человеческие причудливые мысли,
вороньи гнёзда, антенны, трубы.
Автомобили, пыхтя, медленно
въезжают внутрь люминесцентного шара
и вместе с призрачной мыслью
о брошенных советских луноходах
исчезают в рождественской ночи.
Подумалось: если кто-то бросит камнем
и разобьётся этот старомодный
городской фонарь вдребезги, то скажут:
«Отключили электричество».
Выглядывая в окно, молвят:
«Тьма изначальна, тьма извечна».

Сэдока (шестистишие)

Кончился виски,
закончилась жизнь...
Там, за гранью терпенья как мне тужить?
Завтра придут приставы и отнимут
Картину, корзину, картонку и маленькую собачонку!
Муха одна-одинёшенька летает от безделья...

Константин ДМИТРИЕНКО

* * *

в понедельник ворон пел песню
и во вторник ворон пел песню
а потом пришел холод и в небе
песня ворона замёрзла белыми перьями
со среды по четверг не было слышно ворона
лишь галдел в кустах воробынный симпозиум
наступила пятница и ранним утром
ворон выкашлял «ррроу» и с прежней силой
распевает с не очень высокого дерева
о весне о скорой весне поёт ворон

* * *

В джунглях Руссо
Поэт со своею музой
Леопард вырывающий
Всадника из седла
И укромное тёмное местечко
В скромном углу холста
Что-то там происходит
Поди разбери но всё-же
Если прислушаться
Как это сделала муза поэта
Догадаешься что
В скромном углу
Заснеженные горы и
Пирующие князя
Тот который в центре
Поднимает рог
Четверо поют
И эхо уносит мелодию
К жёлтому в пятнах
Большеголовому жирафу
Жираф отрывается от еды
Во все глаза смотрит
На далёкий склон
Заснеженной горы
Видит сани в санях едут дети
Нарисованные бабушкой Мозес
.....
Муза шепчет поэту
Ах дорогой
Напиши вот про это
Про лето с зимой
Про жирафа и джунгли
Про пир князей
Про в санях детей
И про нас с тобой

* * *

В сердце лета
В самой его середине
Мальчик и девочка
Крутят педали
Едут в ту сторону
Куда ведёт дорога
Объезжают лужи
И говорят о разном всяком
В рюкзачках есть вода в бутылках
А ещё полбатона и чипсы
За заборами
Какие-то заброшенные строения
И куда приведёт
Велосипеды дорога
Кто же знает никто не знает
Воздух пахнет липовым цветом
Над покосом висит

Как прибитый к небу ястреб
Мальчик с девочкой
В самом сердце лета
Крутят педали велосипедов
«Слышь Степаныч
А помнишь мы тоже вот так же гоняли
На рыбалку и за грибами
И просто так чёрт-те куда»
«Ну да бывало
Да все осталось в прошлом
Наливай ещё стопку
Вот за детишек и выпьем»
«Да за это не грех
Еще за лето
За его середину
За эти дороги какие
Ведут через самое сердце
За липу покос»
«И за ястреба этого в небе»
«Не за ястреба
Мы отдельно
Ну чтобы не сразу»

* * *

а вот русский город
на самом краю земли
прицепился к земле
и держится
как сочный клещ
ему говорят:
«где был поднят российский флаг...»
а он кивает
на порт-артур финляндию и аляску
вот русский город
заполненный речью в которой
куна сыши мазаль тов салам
ни хао о'хаси
и вот на мосту
девочка Гульнар и парнишка Камал
смотрят в плывущую по вони тьму
и между ними
метр другой
но вольтовой бьёт дугой
любовь между ними
.....
и спираль бруно
эльфом святым искрит
в этом русском городе
присосавшемся к краю земли